
RUSSIAN AUTHORITIES: THE MECHANISMS OF STATE ADMINISTRATION

DOI 10.15826/qr.2015.2.099

УДК 94(470.4)+94(470.5)+316.462+351/354(09)

**Петр Кабытов
Эдуард Дубман
Ольга Леонтьева**

СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ

**Petr Kabytov
Edward Dubman
Olga Leontieva**

THE MIDDLE VOLGA AND TRANS-VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE SYSTEM: A MODERN CONCEPT

Until the mid-19th century, the Middle Volga and Trans-Volga region could be considered as a frontier of the Russian state. It was a specific border between Europe and Asia, an imperial periphery facing the southeast, the nomadic steppe world. Until the mid-18th century, the administrative system in the Middle Volga had primarily fulfilled military and fortification tasks. The permanent process of mass colonization was the most important feature of the region's history between the mid-17th century and the early 20th century; it was facilitated owing to a large amount of vacant land and favorable market conditions. Mass migration caused establishment of Russian farms and landownership in the region and a gradual replacement of nomadic pastoralism. By the mid-19th century, the policies of the Russian Empire in the Trans-Volga region had lost their military and foreign-policy functions, and the administrative system had been brought into line with the all-imperial standards. The region began to turn into an "inner periphery" of Russia which combined some features of the border region and those of the inlands of the Empire. After the abolition of serfdom in 1861, the Trans-Volga region acquired the status of the "Russian breadbasket", one of the main centers of grain production and supply of bread to the national and

international markets. Construction of railways and the development of the Volga river shipping lines contributed to the intensive influx of people to the region, and to the plowing and cultivation of the virgin steppe lands. The main feature of the region's population was its ethnic and religious diversity, as well as historically conditioned interaction of the peoples of "forests and steppes". By the beginning of the 20th century, the "inner periphery" had acquired its recognizable historical and cultural image and become motherland for its diverse population.

Keywords: frontier; inner periphery; Middle Volga region; Trans-Volga region; history of Russia; power and society.

Авторский коллектив исходит из концепции, согласно которой вплоть до середины XIX в. средневожский регион может быть охарактеризован как один из фронтиров Российского государства – специфическое пограничье Европы и Азии, окраинная территория, обращенная на юго-восток, к кочевому степному миру. До середины XVIII в. система управления в Среднем Поволжье выполняла прежде всего военные и фортификационные задачи. Важнейшей особенностью региона был процесс его массовой колонизации, осуществлявшейся с середины XVII и до самого начала XX в., чему способствовали наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура. Результатом переселенческого движения стало укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения, постепенное вытеснение кочевого скотоводства. К середине XIX в., когда имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции, а система управления была унифицирована по общероссийскому образцу, средневожский регион из фронта вдоль юго-восточной границы начал превращаться в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. В пореформенный период Заволжье обрело статус «российской житницы», одного из основных центров товарного зернового производства, поставщиков хлеба на внутренний и внешний рынки. Строительство железных дорог, развитие волжского пароходства способствовали интенсивному притоку населения, стремительной распашке степных земель. На рубеже XIX–XX вв. регион стал транзитным узлом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России и Украины в Сибирь. Особенностью сельского населения региона, его отличием от других «внутренних районов» России являлась этноконфессиональная неоднородность и активное взаимовлияние народов «леса и степи», что имело глубокие исторические корни. К началу XX в. «внутренняя окраина» превратилась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым обликом, в «общую родину» для своего многоликого населения.

Ключевые слова: фронт, внутренняя окраина, колонизация, Среднее Поволжье, Заволжье, Приуралье, история России, власть и общество.

Российская государственность и цивилизация исторически складывались как общность регионов с различным уровнем социально-экономического развития, уникальным историческим опытом и традициями, гетерогенным этноконфессиональным и социокультурным составом населения. В силу этого особую важность традиционно имела проблема поиска оптимальных моделей интеграции регионов страны, формирования чувства причастности их жителей к судьбе как «большой», так и «малой» родины.

Решение этой задачи невозможно без обращения к историческому опыту. Современная наука пришла к осознанию необходимости построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности» (до нескольких веков) и учитывающих взаимовлияние географических, социокультурных, социально-экономических, политических и этноконфессиональных факторов [Бродель]. Такой подход направлен на выявление ресурсов стабильности и возможных «точек хрупкости» крупных геополитических образований.

Для российских государства и социума фактор освоения новых территорий являлся определяющим на протяжении едва ли не всего исторического прошлого. Этот тезис, впервые в обобщенной форме сформулированный С. М. Соловьевым [Соловьев, с. 631], в чеканную, классическую форму перевел В. О. Ключевский, заявивший: «История России есть история страны, которая колонизируется». При этом, подчеркивал историк, с каждым новым переселением, под влиянием «физических особенностей новозанятого края» и «новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер» [Ключевский, с. 19–20]. Важное методологическое значение для изучения рассматриваемой проблемы имеет также концепция фронта (пограничной, колонизируемой территории с подвижными границами и полиэтническим составом населения), предложенная еще в XIX в. американским историком Д. Тернером [Тернер] и успешно используемая в настоящее время отечественными и зарубежными исследователями, изучающими колонизационные процессы в истории Российского государства в целом [Рибер], а также на Северном Кавказе [Барретт], в Сибири [Сибирь; Побережников], в Северном Казахстане, Приуралье и Южной Сибири [Khodarkovsky] и др. В современной отечественной науке примером подхода к истории России сквозь призму процессов «внутренней колонизации» может служить недавнее исследование А. Эткина, в котором как объект колонизации рассматриваются не только «иностранные территории», но и «внутренние земли России» [Эткин, с. 9–10]. Актуальным направлением исследований стало изучение культурных трансферов между Российской империей и другими странами или же в рамках самой Российской империи [Imperium; Kusber].

Значимость процессов расселения, государственного и хозяйственного освоения огромного пространства Евразии, трансляции цивилизационных моделей и взаимодействия культур ни в коем случае нельзя преуменьшать. Процесс последовательного освоения огромного лесостепного и степного пространства от границ с Польшей до Урала, а также Сибири растянулся на несколько столетий, с середины XVI до начала XX в.: со времени существования традиционного аграрного общества до эпохи капиталистической модернизации. В осваиваемых, колонизируемых регионах Российского государства складывался новый тип общества: модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин». В силу этого историческое становление цивилизационного пространства современной России необходимо исследовать, учитывая множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине, исследуя их взаимодействие, выявляя мотивацию их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акторов [Миллер, с. 31–32].

Используя новые методологические подходы, самарские исследователи обратились к комплексному изучению особенностей развития южных и юго-восточных лесостепных пространств Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства на протяжении периода «большой длительности» – с середины XVI до начала XX в. [История Самарского Поволжья; «Обретение родины», 2013; «Обретение родины», 2014]. Эти пространства (в границах современного административно-территориального деления этот регион охватывает Самарскую и Ульяновскую области, а также пограничные с ними районы Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, республик Татарстан, Башкортостан и Казахстан), не имевшие вплоть до присоединения к Московскому государству сколько-нибудь устойчивых структур оседлого расселения, в эпоху позднего Средневековья и Нового времени стали зоной интенсивного колониационного освоения представителями различных этносов: русских, украинцев, немцев; народов Среднего Поволжья – татар, чувашей, мордвы, башкир; кочевого населения юго-восточных степей [«Обретение родины», 2014]. Своеобразие природно-климатических и почвенных зон предопределило особенности хозяйственной деятельности населения региона в условиях непрерывной колонизации: возможность трансформации «вмещающего ландшафта», перехода от преобладания кочевого скотоводства к экстенсивно развивающемуся земледелию [«Обретение родины», 2013, с. 78–85]. Для переселенцев, приходивших в «дикое поле», расселявшихся на «порозжих землях», с течением времени этот регион становился «общей родиной» [Кабытов, Дубман, с. 84–86; Смирнов]. По сути своей «обретение родины» было сложным поэтапным процессом, где переплетались несколько составляющих: взаимовлияние природно-географических условий региона и антропогенного факто-

ра; складывание сословно-классовой структуры сельского и городского населения; становление социокультурного облика населения региона, формирование региональной идентичности и ряд других.

Процесс формирования и развития нового социума в колонизируемом регионе допустимо разделить на два особых исторических этапа. С середины XVI в. расселение по всей территории «вмещающего ландшафта» происходило в условиях постоянного преодоления воздействия внешних сил, и прежде всего кочевых образований; интенсивного взаимодействия различных этноконфессиональных групп в ходе совместной экономической и социокультурной деятельности. Вплоть до середины XIX в. средневолжский регион может быть охарактеризован как один из *фронтиров* Российского государства. К середине XIX в. имперская политика на юго-востоке, в Заволжье, утратила военные и внешнеполитические функции. Средневолжский регион из фронта начал превращаться в своеобразную *внутреннюю окраину* России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи [Поволжье – «внутренняя окраина», с. 5–6].

Выступая в качестве фронта Российского государства, Среднее Поволжье и Заволжье являлись пограничьем Европы и Азии, плацдармом для продвижения в Сибирь, Казахстан и Центральную Азию. В течение длительного исторического периода южные и юго-восточные территории региона служили зоной кочевого и полукочевого скотоводства, тогда как расположенные севернее лесостепные черноземы привлекали сюда переселенцев-земледельцев. В качестве стенового хребта региона выступала Волга и ее притоки, связывающие его пространство в единое целое.

Государственная политика в регионе после присоединения к России определялась его пограничным статусом: Среднее Поволжье становится интенсивно осваиваемой окраинной территорией, обращенной на юго-восток, к кочевому степному миру. Правительственная и вольная колонизация «украин» в XVI–XVII вв. постоянно взаимодействовали друг с другом [История крестьянства СССР, с. 405]. Необходимо отметить чрезвычайную важность действий Московского государства в процессе формирования так называемых «всеобщих условий производства» прежде всего на окраинных пограничных территориях страны [Милов, с. 361].

Последние десятилетия XVI в. следует считать отправной точкой становления системы местных органов власти в Среднем Поволжье. Беспокойный характер региона, частые пограничные конфликты с кочевниками диктовали выбор способов управления, которые неизбежно приобретали военно-административный характер. Именно на территории бывшего Казанского ханства впервые в России было введено воеводское управление, создана и постоянно расширялась к югу и юго-востоку система административно-территориального деления, опирающаяся на сеть укрепленных опорных пунктов, новых «понизовых» городов-крепостей, находившихся в ведении приказа Казан-

ского дворца – центрального административно-территориального органа, наделенного обширными полномочиями [Ермолаев]. Строительство засечных черт и «испомещение» под их защитой различных категорий служилого населения положило начало интенсивному заселению края, его сельскохозяйственной и промысловой колонизации и позволило резко расширить во второй половине XVII – начале XVIII в. зону оседлого расселения.

Ареал расселения охватил практически все правобережье Среднего Поволжья (до широты Сызрани и ниже по течению Волги) и земли Прикамья (под защитой Закамской черты). В ходе строительства системы засечных линий (Симбирской, Корсунской, Саранской и др.) важнейшую роль в заселении примыкающих к ним территорий сыграло переведенное на них военизированное население: приборные люди (стрельцы, казаки и др.), дворяне и дети боярские, служилые мурзы, татары, чувашаи и мордва. Их «испомещение» дало толчок к складыванию крупного массива служилого землевладения – значительного количества сравнительно мелких помещичьих имений с крепостным населением. Вплоть до конца 1680-х гг. правительство, стремясь сохранить это многочисленное военизированное население от конкуренции со стороны крупных привилегированных собственников, распространяло на уезды средневожского фронта нормы законодательства о «заказных городах». Только в последние десятилетия XVII в. начались массовые раздачи земли монастырям и представителям светской элиты [Дубман, с. 225–233]. Заметную категорию жителей региона составляли государственные и дворцовые крестьяне; правительство активно использовало их как источник людских ресурсов для пополнения различных категорий приборных людей, заселения и хозяйственного освоения более южных порубежных территорий [Малинкин].

Особенностью сельского тяглого населения региона, отличавшей его от жителей других «внутренних районов» Московского государства, являлась этноконфессиональная неоднородность. Различные в этническом и конфессиональном отношении группы сельских жителей – русских, татар, мордвы и чувашей, как правило, мирно соседствовали друг с другом [«Обретение родины», 2014]. Города и пригороды региона представляли собой военизированные поселения с преобладанием служилого населения. Только Симбирск и отчасти Саратов во второй половине XVII в. являлись крупными торгово-промышленными центрами с многочисленным посадским населением.

Способы и методы управления регионом существенно изменились в результате проведения Петровских реформ. На территории Поволжья была введена губернская система управления (Казанская, Астраханская губернии); со второй трети XVIII в. началось интенсивное военно-государственное и экономическое освоение левобережья. Но говорить об унификации управления краем по единому имперскому образцу было еще рано. В 1730-е – начале 1740-х гг. в Заволжье

функции местного управления фактически выполняли временные комиссии (комиссия Ф. В. Наумова, Оренбургская экспедиция, а затем Оренбургская комиссия), осуществлявшие прежде всего задачи военизированного заселения региона.

Создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья при Екатерине II имело своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны. Губернская реформа 1775 г. сформировала типичный набор органов губернского управления, заложила новые принципы формирования административных границ внутри Российской империи; в результате аппарат местного гражданского управления стал аналогичным существовавшему в большинстве регионов европейской России. В середине и второй половине XVIII в. в регионе появились новые административно-территориальные образования: Оренбургская, Симбирская, Саратовская губернии.

Наиболее многочисленной сословной группой жителей Поволжья в XVIII в. были государственные крестьяне (по данным 1760-х гг., они составляли почти половину всего крестьянского населения региона). С середины XVIII в. начинается наступление дворян на крестьянские земли – дворянское землевладение в крае расширялось в результате пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий, покупки земли у однодворцев, ясачных крестьян и других категорий местного населения, наконец, путем самовольных захватов, позднее легализованных в ходе Генерального межевания.

В Заволжье помещики обосновались позже, чем на правобережье Волги, – по мере ликвидации угрозы от кочевых набегов и укрепления власти. Земледельческое освоение самарского Заволжья пошло быстрее после отмены в 1736 г. запрета на покупку и продажу башкирских земель: часть башкирских охотничьих угодий и кочевий была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались за бесценок помещиками. В свои новые владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных районов страны. Политика властей вела к формированию в Заволжье крупного помещичьего землевладения – и соответственно крепостного земледельческого крестьянства, преимущественно русского.

Изменения структуры населения региона отразились и на городском социуме. В первой половине XIX в. прирост городского населения в Поволжье был выше, чем в среднем по стране. Однако урбанизация здесь осуществлялась за счет развития уже существовавших, а не вновь основанных городов. Значительный прирост населения наблюдался в волжских городах с удобными пристанями; численность их населения в несколько раз возрастала во время крупных ярмарок, а также летом – за счет притока бурлаков и сезонных рабочих. В городах региона сохранялся патриархальный образ жизни, преобладающее большинство городского населения в конце XVIII в. и даже в первой половине XIX в.

составляли крестьяне. Состав жителей городов Поволжья был многонациональным, но преобладало русское православное население. Представители автохтонных этносов концентрировались, как правило, в сельской местности. Различался социальный облик поволжских городов: у Симбирска сформировалась устойчивая репутация «дворянского гнезда», у Саратова – «купеческого» города. Именно в конце XVIII – первой трети XIX в. были заложены основы системы народного образования в регионе [Артамонова].

Мощное переселенческое движение и сельскохозяйственная колонизация подготовили основу для административного переустройства региона. К середине XIX в. имперская политика на левобережье Волги утрачивает военные функции; происходит окончательное включение этих земель в политическую и экономическую систему Российской империи (так, в середине XIX в. в регионе были образованы новые губернии: в 1850 г. – Самарская, в 1865-м – Уфимская). Ликвидация в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства показала, что зона имперского фронта переместилась гораздо южнее. Реализация в регионе реформ Александра II по общероссийскому сценарию доказала, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи, где власть могла рассчитывать найти надежную социальную опору.

Новый импульс колонизационным процессам был дан в пореформенный период: строительство железных дорог, интенсификация волжского пароходства способствовали увеличению численности и плотности населения, задавали вектор миграции. Во второй половине XIX – начале XX в. регион стал важным транзитным узлом, через который шло массовое переселение крестьян из центральных губерний России и Украины в Сибирь; часть переселенцев оседала в самом Поволжье – в южных степных уездах. Переселение шло и внутри Поволжского региона: сохранение крепостнических пережитков, перенаселенность вели к росту числа переселенцев из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний на юго-восток региона.

На новых местах поселенцы воспроизводили традиционные для них формы общежития, самоуправления, ведения хозяйства, долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры; переносили на новые реалии привычные топонимы. Во второй половине XIX – начале XX в. Среднее Поволжье и Приуралье являли собой историко-культурную область, где активно взаимодействовали различные этноконфессиональные группы. Типичным явлением лесостепной полосы было наличие смешанных поселений – например, русских и татар, русских и мордвы и т. д. Напротив, в степных районах Поволжья и Приуралья развитие земледелия шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства башкир. Когда необходимость в иррегулярной военной охране приграничных территорий отпала, земли кочевых народов из военного ведомства были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ, которое стало

активно передавать их переселенцам из центральных регионов страны. Это привело к изменению экологической и этнокультурной ситуации в регионе.

Социальный облик населения Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. был типичным для российской провинции, но при этом обладал некоторой региональной спецификой. Дворянство средне-волжских губерний по общероссийским меркам сформировалось довольно поздно, в конце XVIII – первой половине XIX в.; лишь Симбирская губерния принадлежала к «дворянским» территориям империи с «древними благородными родами». Низкий удельный вес дворян в общем составе населения Поволжья еще более сократился в пореформенный период; причинами тому были убыль дворянского землевладения, постепенное формирование купеческой и крестьянской собственности на землю, перемещение потомственного дворянства в столицы и другие города страны. С 1877 по 1914 г. дворянство региона потеряло почти две трети своего земельного фонда. Пик распродажи «дворянских гнезд» в Самарской и Саратовской губерниях пришелся на 1906–1907 гг., когда многие поместья пришли в расстройство в результате крупнейших в России крестьянских волнений [Кабытов, Баринава].

Характерной чертой аграрного развития Поволжья во второй половине XIX в. были экстенсивные методы земледелия. В степных уездах за два десятилетия рубежа веков размеры пашни удвоились. Под посевы шли распаханые залежи, луга и пастбища, на севере и северо-востоке – расчищенные леса. Благодаря этому заволжские степи превратились в бескрайние хлебные житницы; к началу XX в. лишь в Уфимской и Оренбургской губерниях оставались нераспаханные ковыльные степи, хотя их размеры быстро уменьшались. Главными посевщиками в крае были крестьяне, что было особенно заметно на фоне сокращения фондов дворянского землевладения. Удельный вес новаций в агрономии был невелик; улучшения в агротехнике и агрикультуре были заметны в частновладельческих экономиках, в крестьянских хозяйствах фермерского типа на степном юге Самарской губернии, фермерских уездах, сформировавшихся вокруг Уфы, Белебея, Стерлитамака, в хозяйстве немцев-колонистов в Поволжье и на Южном Урале. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи. В пореформенный период Заволжье обрело статус «русской житницы», одного из основных центров товарного зернового производства, поставщиков хлеба на внутренний и внешний рынки [Дубман, Кабытов, Тагирова]. В то же время значительное увеличение пахотных угодий оборачивалось постепенным снижением урожайности и «выпаханностью» земель, усилением зависимости земледельца от климата, что, наряду с ростом численности сельского населения, постепенно вело аграрный сектор хозяйства края к кризису.

Ход столыпинской реформы в регионе наглядно свидетельствует о неоднородности социально-экономического облика поволжской и приуральской деревни. В многонациональной деревне лесостепного региона землеустроители натолкнулись на стойкое сопротивление сельской общины. Напротив, в степных уездах Заволжья быстрее шло формирование хозяйства фермерского типа, и идея перехода к индивидуальному землевладению встретила там гораздо более широкую поддержку крестьян, чем в других уездах и губерниях региона [Столыпинская аграрная реформа, с. 89–125, 187–203]. Но все же в данном регионе, как и в стране в целом, реформа не смогла снять остроту крестьянского вопроса. В ходе революций начала XX в. наглядно проявилась социально-политическая дифференциация населения Поволжья; крестьяне выдвигали конфискационные требования и поддерживали демократические силы [Кабытова].

В пореформенный период города региона начали превращаться в новые, динамично развивающиеся торгово-промышленные центры, важные транзитные пункты российской торговли. Основной категорией городского населения стали мещане, второй по численности категорией городского населения (в Симбирской губернии – первой) были осевшие в городах крестьяне. Рост доли дворян в городском населении, по всей видимости, был вызван «оскудением» дворян после реформы 1861 г. и переселением их в города. Несмотря на скромную численность купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике [Тюрин].

Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества была напрямую связана с природно-климатической и хозяйственной спецификой региона. Крупнейшие капиталы самарских купцов были нажиты на хлеботорговле, на кожевенных и салотопенных предприятиях. Во второй половине XIX в. основной сферой приложения купеческих капиталов стала хлеботорговля. Наконец, в конце XIX в. купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством: предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку и продажу как в ближайших губерниях, так и за их пределами. Это способствовало выделению крупных торгово-промышленных фирм, получивших возможность выйти за пределы поволжских губерний и найти свое место на всероссийском рынке. Купечество стало «лицом» городского управления: в составе городских дум насчитывалось в среднем 60–70 % представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами. Купечество оставило свой след в формировании городской среды Среднего Поволжья, что выразилось в строительстве храмов, доходных домов, торговых заведений, производственных предприятий [Кабытов, Баринава]. Отражая расстановку социальных сил, городские думы Среднего Поволжья до начала революции 1905–1907 гг.

были политически индифферентны и сосредотачивались на хозяйственных проблемах [Леонов].

Самым многочисленным городским сословием в пореформенный период стало мещанство, пополнявшееся выходцами из самых разных социальных групп (главным образом за счет крестьян, переселявшихся в города). Доходы основной массы мещан незначительно превышали прожиточный минимум. Реализация Городового положения 1870 г., с его принципом всеословности и высокими избирательными цензами, вызвала исход мещан из городского самоуправления и снижение их роли в городской жизни [Кобозева].

Окраинный статус региона все еще был заметен по многим показателям, прежде всего по темпам развития образования и культуры. Только в Казани, образовательном центре Поволжья, действовал университет, основанный еще при Александре I, ветеринарный институт, духовная академия; в Саратове первым высшим учебным заведением стал сельскохозяйственный институт, а университет в составе одного факультета (медицинского) был создан только в 1909 г. И это тоже было показателем провинциальности, того факта, что Поволжье очень слабо включалось в процесс социокультурного развития имперского «ядра».

К началу XX в. средневожское пространство приобрело статус «места памяти» для российской культуры, одного из ключевых символов русской национальной идентичности. Волжские пейзажи И. И. Левитана или И. Е. Репина воспринимались как типично русские ландшафты; сравнение могучей и величавой реки с русским народным характером стало расхожим литературным приемом. «Внутренняя окраина» превращалась в особое историко-культурное пространство со своим узнаваемым, выразительным обликом [Цыганова]. В отношении этого региона особенно верным представляется наблюдение Ключевского об «исторической службе русской реки», которая «воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение» [Ключевский, с. 55–56].

Таким образом, важнейшей особенностью региона был процесс его массовой колонизации, начавшейся в середине XVII в. и продолжавшейся вплоть до начала XX в. Наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура порождали интенсивные миграционные процессы, которые, в свою очередь, оказывали прямое или косвенное влияние и на экономическую, и на социальную, и на общественно-политическую ситуацию. Складывание системы устойчивого расселения, формирование нового хозяйственного и культурного облика, взаимовлияние различных народов «леса и степи» в ходе «обретения родины» и формирования нового

социума являлись основными сущностными характеристиками развития региона, превращения его из территории фронта во «внутреннюю окраину» Российской империи, в «общую родину» для его многоликого населения.

Список литературы

Артамонова Л. М. Участие духовенства в открытии и деятельности общеобразовательных школ Казанского учебного округа в первой трети XIX века // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 110–117.

Барретт Т. М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2000. 332 с. С. 163–194.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. с фр. М.: Весь мир, 2006.

Дубман Э. Л. Юго-Восток Европейской России: монография. Ч. 1: Поволжский фронт в середине XVI–XVII вв. Очерки истории. Самара: Самарский университет, 2012. 236 с.

Дубман Э. Л., Кабытов П. С., Тагирова Н. Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России. Самара: Самарский университет, 2004. 296 с.

Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казанского университета, 1982. 222 с.

История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М.: Наука, 1990. 616 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1–6. М.: Наука, 2000.

Кабытов П. С., Баринова Е. П. Дворянство Поволжья второй половины XIX – начала XX в.: историография проблемы // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 47–52.

Кабытов П. С., Дубман Э. Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2.

Кабытова Н. Н. Социально-политическая дифференциация населения Поволжья в 1917 г. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2012. № 8/2 (99). С. 161–171.

Ключевский В. О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М.: Мысль, 1993. 572 с.

Кобозева З. М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.), или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Самарский университет, 2013. 608 с.

Леонов М. И. Власть и общество Средней Волги и Заволжья в годы Думской монархии // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 139–150.

Малинкин Е. М. Военные силы Понизовья во второй половине 1640-х – начале 1660-х гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 26–34.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. 2 изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

«Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1: Очерки истории / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара: Самарский университет, 2013. 360 с.

«Обретение родины»: Общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация / под

ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. Самара : Самарский университет, 2014. 254 с.

Побережников И. В. Канадский и российский фронтир: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара : Самар. отд-ние Литфонда, 2007. 328 с.

Риббер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Советский период : антология. Самара : Самарский университет, 2000. С. 94–145.

Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Смирнов Ю. Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX в. : дис. ... д. и. н. М., 1999.

Соловьев С. М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 2. М. : Мысль, 1988. 768 с.

Столыпинская аграрная реформа в Самарской губернии : Сборник документов и материалов. Самара, 2012. 314 с.

Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. М. : Весь мир, 2009. 304 с.

Тюрин В. А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 92–98.

Цыганова Я. М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 8/2 (109). С. 74–82.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

Imperium inter pares : Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.

Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2002. 304 p.

Kusber J. Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of The Russian Empire // Quaestio Rossica. 2014. № 2. P. 233–251.

References

Artamonova, L. M. (2012). Uchastie duhovenstva v otkry'tii i deyatel'nosti obshheobrazovatel'ny'h shkol Kazanskogo uchebnogo okruga v pervoj treti XIX veka [The Participation of the Clergy in the Establishment and Functioning of Secondary Schools of the Kazan Educational District in the 1st Third of the 19th Century], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 110–117.

Aust, M., Vul'pius, R. & Miller, A. (Eds.). (2010). *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. 392 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Barrett, T. M. Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [The Lines of Uncertainty: The North Caucasian Frontier of Russia]. In David-Fox, M. (Comp.). (2000). *Amerikanskaya rusistika: Vехi istoriografii poslednih let. Imperatorskij period. Antologiya* (pp. 163–194). Samara, Samarskij universitet.

Braudel, F. (2006). *Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material Civilization, Economy and Capitalism: 15th – 18th Centuries] (in 3 vols.). (Transl. from Fr.). Moscow, Ves' mir.

Cy'ganova, Ya. M. (2013). Rossijskaya provinciia poreformennoj e'pohi kak istoriko-kul'turnoe prostranstvo: podkhody' k izucheniyu [Russian Province after the Reform Era as a Historical and Cultural Space: Approaches to Research], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 109, pp. 74–82.

Dameshek, L. M. & Remnev, A. V. (2007). *Sibir' v sostave Rossijskoj imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. 368 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Dubman, E'. L. (2012). *Yugo-Vostok Evropejskoj Rossii: monografiya. Ch. 1: Povolzhskij frontir v srede XIV–XVII vv. Ocherki istorii* [The Southeast of European Russia: A Monograph. Part 1. The Volga River Basin Frontier in the Mid-16th – 17th Centuries. Essays on History]. 236 p. Samara, Samarskij universitet.

Dubman, E'. L. & Kaby'tov, P. S. (Eds.). (2007). *Povolzh'e – «vnutrennyaya okraina» Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novyh territorij (konec XVI – nachalo XX v.)* [The Volga River Basin – Russia's Inner Outskirts: The State and Society in the Development of New Territories (Late 16th – Early 20th Century)]. 328 p. Samara, Samarskoye otdelenie Litfonda.

Dubman, E'. L., Kaby'tov, P. S. & Tagirova, N. F. (2004). *Ocherki istorii Yugo-Vostoka Evropejskoj Rossii* [Essays on the History of the Southeast of European Russia]. (296 p.). Samara, Samarskij universitet.

Ermolaev, I. P. (1982). *Srednee Povolzh'e vo vtoroj polovine XVI–XVII vv. (upravlenie Kazanskim kraem)* [Middle Volga River Basin in the 2nd Half of the 16th – 17th Centuries (The Management of Kazan District)]. 222 p. Kazan, Kazanskij universitet.

E'tkind, A. (2013). *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii* [Inner Colonization. Russia's Imperial Experience]. 448 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Istoriya krest'yanstva SSSR s drevnejshih vremen do Velikoj Oktjabr'skoj socialistscheskoj revolyucii [The History of Peasantry in the USSR from the Antiquity till the Great October Socialist Revolution. Vol. 2: Peasantry in the Times of Early and Full-Fledged Feudalism] (in 5 vols.). (1990). 616 p. Moscow, Nauka.

Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevnejshih vremen do nashih dnei [The History of the Samara Volga River Basin from the Antiquity till Our Times]. (2000). (Bks. 1–6). Moscow, Nauka.

Kaby'tov, P. S. & Barinova, E. P. (2012). *Dvoryanstvo Povolzh'ya vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: istoriografiya problemy* [The Nobility of the Volga River Basin of the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century: A Historiography of the Issue], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 47–52.

Kaby'tov, P. S. & Dubman, E'. L. (1993). *Srednee Povolzh'ye i problemy nacional'nyh otnoshenij* [The Middle Volga River Basin and the Problems of National Relations], *Regiologiya*, 2.

Kaby'tov, P. S., Dubman, E'. L. & Leont'eva O. B. (Eds.). (2013). «Obretnenie rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 1: *Ocherki istorii* [“Finding Motherland”: Society and Authorities in the Middle Volga River Basin (2nd Half of the 16th – Early 20th Century): Essays on History]. 360 p. Samara, Samarskij universitet.

Kaby'tov, P. S., Dubman, E'. L. & Leont'eva O. B. (Eds.). (2014). «Obretnenie rodiny»: *obshchestvo i vlast' v Srednem Povolzh'e (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.)*. Ch. 2: *Zaselenie regiona i etnodemograficheskaya situaciya* [“Finding Motherland”: The Society and Authorities in the Middle Volga River Basin (2nd Half of the 16th – Early 20th Century): The Colonization of the Region and Its Ethnodemographic Situation]. 254 p. Samara, Samarskij universitet.

Kaby'tova, N. N. (2012). *Social'no-politicheskaya differenciaciya naseleniya Povolzh'ya v 1917 g.* [The Social and Political Differentiation of the Volga River Basin Population in 1917], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 99, pp. 161–171.

Khodarkovsky, M. (2002). *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. (304 p.). Bloomington, IN, Indiana University Press.

Klyuchevskij, V. O. (1993). *Russkaya istoriya: Polnyj kurs lekcij* [Russian History: A Complete Course of Lectures, Three Books]. 572 p. Moscow, My'sl'.

Kobozeva, Z. M. (2013). *Meshhanskoe soslovie g. Samary' v prostranstve vlasti i povsednevnosti (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.), ili Rasskaz o «dushe s povinnostryami»* [Petty Bourgeoisie of Samara in the Space of Power and Everyday Life (2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries), or A Story of “a Soul with Obligations”]. 608 p. Samara, Samarskij universitet.

Kusber, J. (2014). Cultural Transfer as a Field for the Observation of Historical Cultural Studies. The Example of The Russian Empire, *Quaestio Rossica*, 2, pp. 233–251.

Leonov, M. I. (2013). *Vlast' i obshchestvo Srednej Volgi i Zavolzh'ya v gody Dumskoj monarii* [The Authorities and Society of the Middle Volga and Trans-Volga River Basin during the Duma Monarchy Era], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 109, pp. 139–150.

Malinkin, E. M. (2013). *Voenny'e sily Ponizov'ya vo vtoroj polovine 1640-h – nachale 1660-h gg.* [The Military Forces of Ponizovy in the 2nd Half of the 1640s – Early 1660s],

Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya, 8/2, 109, pp. 26–34.

Miller, A. I. (2010). *Imperiya Romanovy'h i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methods of Historical Studies]. 320 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.

Milov, L. V. (1998). *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo procesa* [The Ploughman of Great Russia and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. 573 p. Moscow, ROSSPE'N.

Poberezhnikov, I. V. (2009). Kanadskij i rossijskij frontir: obshhee i osobnoe (XVI – nachalo XX v.) [Canadian and Russian Frontiers: Common Features and Differences (16th – Early 20th Century)], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2, 23, pp. 25–30.

Riber, A. (2000). Ustojchivy'e faktory' rossijskoj vneshnej politiki: popytka interpretacii. In *Amerikanskaja rusistika: Vehl istoriografii poslednih let. Sovetskij period: antologiya* [Stable Factors of Russian International Policy: An Interpretation] (pp. 94–145). Samara, Samarskij universitet.

Smirnov, Yu. N. (1999). *Narod i vlast' v osvoenii Rossijskogo Zavolzh'ya: XVIII – seredina XIX v.* [People and Authorities in the Development of the Russian Trans-Volga River Basin: 18th – Mid-19th Centuries]. (Dissertation). Moscow.

Solov'yev, S. M. (1988). *Sochineniya* [A Collection of Works] (in 18 bks.) (Bk. 2, 768 p.). Moscow, My'sl'.

Stoly'pinskaya agrarnaya reforma v Samarskoj gubernii: Sbornik dokumentov i materialov [Stolypin's Land Reform in Samara Governorate: A Collection of Documents and Materials]. (2012). 314 p. Samara.

Turner, F. J. (2009). *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontiers in American History]. (Transl. from Eng.). 304 p. Moscow, Ves' mir.

Tyurin, V. A. (2013). Struktura, chislennost', social'ny'j sostav gorodskogo naseleniya Srednego Povolzh'ya vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The Structure, Number, and Social Makeup of the Urban Population of the Middle Volga River Basin in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Centuries], *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, 8/2, 109, pp. 92–98.

The article was submitted on 11.04.2015

Петр Серафимович Кабытов,
профессор,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
don.kabytov2012@yandex.ru

Petr Kabytov,
Professor,
Samara State University,
Samara, Russia
don.kabytov2012@yandex.ru

Эдуард Лейбович Дубман,
профессор,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
dubmane@mail.ru

Edward Dubman,
Professor,
Samara State University,
Samara, Russia
dubmane@mail.ru

Ольга Борисовна Леонтьева,
доктор исторических наук,
Самарский государственный
университет,
Самара, Россия
oleontieva@yandex.ru

Olga Leontieva, Dr.,
Samara State University,
Samara, Russia
oleontieva@yandex.ru